

Журавли. Генрик Сенкевич

Грусть, тоска по родине владеет главным образом теми, кто почему-либо не может вернуться в родные края. Но порой приступам ее подвергаются и те, для которых возвращение - вопрос собственного желания. Поводом может быть; восход или заход солнца, напоминающий зори в родных местах; какой-нибудь перелив в песне, в котором еле уловимо проскользнет знакомый напев; купа деревьев, напоминающая лесок возле родной деревушки, - и готово! Сердце охватывает огромная, неодолимая тоска, и ты вдруг чувствуешь себя листиком, оторванным от далекого, милого дерева. В такие минуты человек либо возвращается, либо, если у него есть хоть немного воображения, творит.

Однажды, много лет тому назад, я жил на побережье Тихого океана в селении под названием Анагейм Лэндинг. Все мое общество состояло из нескольких матросов-рыбаков, по большей части норвежцев, да немца, у которого они столовались. Днем рыбаки ходили в море, а по вечерам играли в покер - игру, издавна популярную во всех американских кабаках и скоро появившуюся в Европе, где ею увлеклись светские дамы.

Я был совсем одинок и проводил время, скитаясь с ружьем в пустынных прериях или блуждая по берегу океана. Ходил по крутым обрывам, подмываемым рекой, широко разливающейся при впадении в море, бродил по ее мелководью, рассматривая удивительных рыб, моллюсков и огромных морских львов, греющихся на скалах возле устья. А дальше, в океане, был маленький песчаный островок уютный чайка, пеликанов, альбатросов, - настоящая птичья республика, бестолковая, шумная, крикливая. Иногда, в те дни, когда было особенно тихо и вода становилась почти фиолетовой с золотым отливом, я садился в лодку и плыл к островку, Пеликаны, не знающие людей, смотрели скорее с удивлением, чем с испугом, как бы спрашивая: "Что это за тюлень? Мы еще таких не видали!" Часто с этого островка я любовался сказочным заходом солнца, превращающим весь небосвод в сплошное море золотых, опаловых и пламенных блесков, пока на аметистовом небе не появится месяц и тропическая ночь не окутает небо и землю.

Пустынный край, бесконечная морская даль, потоки лунного света - все это настроило меня немного мистически. Я впал в пантеизм, мне стало казаться: вокруг меня какая-то единая необъятная душа, воплощающаяся и в океане, и в небе, и в степи, и в самых маленьких существах - птицах, рыбах и даже в прибрежном вереске. Иногда я думал, что все эти дюны и пустынные кручи - обитель каких-то невидимых существ, подобных древнегреческим фавнам, нимфам, наядам. Умом я, конечно, понимал, что это не так, но, находясь в полном одиночестве перед лицом природы, невольно допускаешь подобную возможность. Тогда жизнь превращается в какой-то полусон, где больше видений, чем мыслей. От всего, что окружало меня, веяло безмерным спокойствием, и мне было очень хорошо. Иногда я размышлял о будущих "Письмах с дороги", иногда, как юноша, о незнакомке, которая вдруг придет когда-нибудь ко мне, узнает меня и полюбит, - и на этом освещенном луной пустынным берегом, среди неясных мыслей и смутных желаний, между явью и сном, я чувствовал себя счастливым, как никогда.

Как-то вечером я, засидевшись на островке, возвращался домой поздно ночью. Прилив нес мою лодку, так что не нужно было грести. Есть места, где приливы бывают бурными, но в этом краю вечного штиля волны не бьются с гулом о берег, - они мягко ложатся на песок. Вокруг стояла такая тишина, что даже здесь, вдали от берега, я мог бы услышать человеческую речь. Но на берегу никого не было. Только поскрипывание весел да слабый плеск воды нарушали безмолвие.

Вдруг сверху послышались чьи-то звонкие голоса. Я поднял голову: на темном фоне неба ничего не было видно. Но вот голоса раздались прямо надо мной, и я узнал в них курлыканье журавлей. Видимо, целая стая пролетела над моей головой куда-то по направлению острова Санта Каталина. Я вспомнил, что не раз прислушивался к этим крикам еще ребенком, в школьные годы, приезжая домой на каникулы. И меня вдруг охватила безысходная тоска. Вернувшись к себе в каморку, которую снимал в лагуче у немца, я долго не мог заснуть. В мыслях моих мелькали картины родины: то сосновый бор, то широкие поля с растущими на межах крестьянскими грушами, то крестьянские хаты, то сельские костелы, то белые домики в гуще садов. Я тосковал по милым виденьям всю ночь. А утром, выйдя, как обычно, на побережье, почувствовал, что и этот океан, и небо, и степи, и прибрежные скалы с греющимися на солнце тюленями - все это совершенно чужое, не имеет ко мне никакого отношения, так же как я к ним. Вчера еще я радовался окружающему и думал, что мой пульс бьется согласно с пульсом необъятной природы, а теперь задавал себе вопрос: какое мне дело до всего этого и почему я не возвращаюсь? Ощущение покоя, радости жизни исчезло без следа. Время, так тихо и безмятежно отмеряемое морскими приливами и отливами, стало казаться томительным, невыносимым. Из головы не выходили мысли о родине, о том, что там произошло, что изменилось за это время. Америка, путешествие уже перестали занимать меня; вместо этого и мозгу моем толпою закружились образы, вызванные воспоминанием. Я не мог от них оторваться, хотя они не радовали меня. Наоборот! В них было много печали, даже обиды, невольно возникавшей при сравнении сонной и безрадостной жизни нашей деревни с кипучей жизнью в Америке. Но чем безотраднее и неподвижнее казалась мне наша жизнь, тем больше я болел за нее душой, тем она становилась мне дороже, тем больше я тосковал о ней. День ото дня виденья все ясней и ясней вставали перед моими глазами, и в конце концов воображение стало развивать их, приводить в порядок, складывать в единое художественное целое. Я стал создавать свой мир.

Через неделю, ночью, когда норвежцы ушли в море, а я сидел в своей каморке, из-под пера моего вышли слова: "В деревне Баранья Голова, в канцелярии волостного войта, царила полнейшая тишина..."

Так журавли стали причиной того, что на берегу Тихого океана возникли "Наброски углем".

1895